

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Гермоген, патр.

**Подвижничество русского иночества и
его значение для русского народа
(апология христианского аскетизма)**

Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

Киев
2012

А-4
П-44

ПОДВИЖНИЧЕСТВО РУССКАГО ИНОЧЕСТВА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РУССКАГО НАРОДА

(Апология христіанскаго аскетизма).

1 Кор. IV; 10, 1, 18—24.

„Мы буи Христа ради“...
„Мы проповѣдуемъ Христа распята... Божію силу
и Божію премудрость“...
„Слово бо крестное погибающимъ убо юродство
есть, а спасаемымъ намъ сила Божія есть“.
„Къ вамъ мы пишемъ, потому что Господь поста-
вилъ насъ стражами надъ вами, стеречь васъ велѣлъ,
чтобы кого-нибудь изъ васъ сатана не укралъ“.

Гермогенъ Патриархъ.

ИЗДАНИЕ 2-Е.

К І Е В Ъ.
Типографія 1-й Киевской Артели Печатнаго Дѣла. Трехсвятит. 5.
1913.

38140
А. А. Н.

Отъ Киевск. Духовно-сенаурн. Комитета печ. дозв. Кіевъ, 18 декабря
1912 г. Цензоръ Проф. Академіи Свящ. Александръ Глаголевъ.

**Подвижничество русскаго иночества и его значеніе для
русскаго народа.**

(Апология христіанскаго аскетизма).

Первоначальні иноки земли русской, будучи убѣди-
тельнымъ, живымъ примѣромъ вѣры и жизни Христовой,

Антоній и Θεодосій Печерскій и протчіи Подвижники рускаго Иночества служили народу—незыблемымъ оплотомъ благочестія, живя здѣсь, на землѣ, во плоти безплотными ангелами, были поистинѣ воспитателями, наставниками, учителями, руководителями и, наконецъ, благодѣтелями русскаго народа. Наименованіе русскаго иночества наставниками совершенно прилично потому, что оно своею высоко-нравственною жизнію такъ животворно дѣйствовало на другихъ людей и такъ богоугодно воспитывало народъ, благодаря чему древніе наши предки, живя въ мірѣ, проводили почти что монашескую жизнь. Не даромъ, русское отечество наше именовалось святою Русью Почему? Между прочимъ и потому, что иноки свею ангельскою и богоподобною жизнію освящали Русь. Они воспитывали въ народѣ такой нравственный укладъ жизни, такой складъ ума такое настроеніе сердца и всѣхъ духовныхъ стремленій по которымъ вся матушка православная св. Русь представляла сплошной монастырь. Иначе говоря, подъемъ духовной и нравственной жизни простыхъ мірянъ восходилъ даже до самаго высшаго христіанскаго идеала жизни—**благодатнаго аскетизма**. Иноки сообщали русскимъ людямъ цѣльный высокій, духовный обликъ и образъ благочестивой жизни по Христѣ Господѣ. И неудивительно, что древняя св. Русь даровала Церкви многочисленный соборъ великихъ, праведныхъ подвижниковъ и подвижницъ какъ изъ сонма монаховъ, такъ и изъ простыхъ мірянъ. Все это—достойные и сладчайшіе плоды проповѣдниковъ царствія небеснаго, богатырей духа Христа, смиренныхъ, самотверженныхъ и безкорыстныхъ иноковъ. Посему-то главное значеніе подвижничества русскаго иночества для русскаго народа заключалось въ томъ, что оно заложило въ русскомъ народѣ тотъ твердый фундаментъ высоконравственной жизни по Христѣ, на которомъ наши предки устроили и созидали для себя какъ небесное,—вѣчное царство, такъ и земное—временное. И дѣйствительно, созидавая душевные свои храмы къ славѣ царствія небеснаго, русское иночество въ то же время устроило и царство земное (въ смыслѣ объединенія отдѣльныхъ русскихъ земель въ одно цѣлокупное—цѣлостное, самодержавное и единоедержавное царство). Здѣсь можно усматривать точное исполненіе неложныхъ словесъ Христовыхъ: **ищите прежде царствія Божія и правды Его, и сія вся при-**

ложатся вамъ ¹⁾“. Монахи, стремясь прежде всего къ царствію небесному и, ведя туда же за собою народъ, вмѣстѣ съ тѣмъ приводили его къ царству земному: „и сія вся приложатся вамъ“. „Дѣвственники, обитая на землѣ“, говоритъ крестьянинъ Н. Богачевъ, „какъ Ангелы были приглашены послужить великому таинству спасенія рода человеческого ²⁾“. Русскіе люди, благоговѣя предъ иноками, всецѣло, отдавались ихъ мудрому руководству. Последніе же, приводя русскихъ людей къ царствію небесному, вмѣстѣ съ тѣмъ приводили и къ земному благополучію. „Благодаря этому древняя Россія.. обладала зачатками правильныхъ общественныхъ отношеній і здоровой всенародной жизни.. И если Государство охраняло землю Русскую, то его самого охраняли святители Русской Церкви. Митрополитъ Алексій, ради блага Русской земли ѣдущій ходатаемъ въ Орду и силою своей святости, явной и для невѣрныхъ, спасающей князя Московскаго, — **вотъ истинный историческій символъ русскихъ общественныхъ основъ ³⁾**“. Да, и иноки созидали наше великое Россійское Царство. „Эти истинные монахи—цвѣтъ нашей Церкви, соль нашей земли ⁴⁾“. Въ самомъ дѣлѣ, кому мы **во многомъ** обязаны своимъ первокласснымъ Царствомъ какъ не мудрымъ воспитателямъ и религіознымъ вождямъ народа—**монахамъ**?! Знаете ли вы и углублялись ли когда нибудь во всѣ изгибы ума нашего и во всѣ тайники ума вашего, кто былъ преподобный и богоносный отецъ нашъ Сергій Радонежскій Чудотворецъ, какъ не спаситель, руководитель, всю жизнь слезный печальникъ и великій молитвенникъ всей земли Русской?! Нѣкогда вся судьба Россіи находилась въ державной, пламенной молитвѣ этого богоизбраннаго и народолюбиваго смиреннаго великаго инока Господня. Это былъ духовный самодержецъ—вождь великой земли русской. Святая Церковь въ своихъ торжественныхъ пѣснопѣніяхъ такъ характеризуетъ этого святого инока Божія: „Ты даровалъ еси Владыко Христе Твоего Угодника, граду нашему Москвѣ твердую стѣну, и всѣмъ російскимъ странамъ крѣпкаго предстателя пока-

¹⁾ Мѡ. VI, 33.

²⁾ Любовь, бракъ и дѣтство, 61 стр. Изданіе 2-е 1896.

³⁾ Вл. С. Соловьевъ. III т., 209 стр. Изданіе Товарищества „Общественная Польза“.

⁴⁾ С. А. Рачинскій. Письма, 37 стр. Москва, 1899 г.

заль еси, и христоименитымъ людямъ такового чудесоподателя, и неисцѣльныхъ недуговъ цѣлителя.. и молитвенника о душахъ нашихъ ¹⁾“. „Ангеломъ собесѣдникъ быти сподобился еси, и свѣтильникъ многосвѣтлый россійскія земли, чудесами якоже второе солнце сияя ²⁾“. „Благочестивому же Императору нашему оружіе спасенія, и на врага побѣда, и всея россійскія земли удобреніе, молебникъ вѣренъ о всѣхъ ³⁾“. „Ты проявилъ еси Владыко Христе, послѣдному роду нашему такового чудесъ дарователя, великаго заступника всея земли россійскія ⁴⁾“. „Даль еси благочестивому Императору и вѣрному Твоему слугѣ Господи, твердое защищеніе, и оружіе спасенія, и всѣмъ православнымъ княземъ, и всемъ его великое на сопротивныя одолженіе, святителемъ же честное украшеніе, и всѣмъ болящимъ врачество безмездно, святыя мощи преподобнаго и преблаженнаго Сергія ⁵⁾“.

Чудесными подвигами святыхъ Божіихъ иноковъ и благодатною свободою Христовою созидалось и строилось Россійское Царство. „Свобода чистой и просвѣщенной Церкви является въ цѣломъ рядѣ Святителей, которыхъ могущее слово **болѣе** способствовало къ созданію царства, чѣмъ умъ и хитрости государей,—въ уваженіи не только Русскихъ, но и иноземцевъ къ начальникамъ нашего духовенства, въ богатствѣ библиотекъ патріаршескихъ и митрополическихъ, въ книгахъ духовныхъ, въ спорахъ богословскихъ, въ письмахъ Іоанна, и особенно въ отпорѣ, данномъ нашей Церковью церкви Римской ⁶⁾“. „Русское государство лучшими сторонами своего бытія, своимъ внутреннимъ единствомъ, цѣлостью и крѣпостью духовной обязано именно Церкви, іерархи православные были въ то-же время и главными виждителями нашего государственнаго строя и величія, но имъ противно было политическое властолюбіе ⁷⁾“. „Или забыты уже, или исключить надобно изъ русской исторіи тѣ прекраснѣйшія страницы, гдѣ среди смутъ и страданій народныхъ, подъ игомъ монголовъ, въ междуцарствіе, при нашествіи поляковъ,

1) Минія. Мѣсяцъ іюлій. 5 день, 40 л. 1895 г.

2) Тамъ же, 41—42 л.

3) Тамъ же, 45 об. л.

4) Тамъ же, 46 л.

5) Тамъ же, 40 об. л.

6) А. С. Хомяковъ. III т., 14 стр. 1900 г.

7) Ив. С. Аксаковъ. IV т., 508 стр. Изданіе 2-ое. 1903 г.

наконецъ при воцареніи Романовыхъ, монашество является въ числѣ первыхъ и сильнѣйшихъ дѣятелей? Или уже не слѣдуетъ ли, по нынѣшнему взгляду на вещи, осуждать за это русское монашество, въ томъ соображеніи, что оно вмѣшивалось **не въ свои дѣла**? А памятны ли слова инока Филиппа Грозному Царю, когда Царь назначалъ его на московскую митрополию? „Повинуюсь волѣ твоей, говорилъ Филиппъ, но умири совѣсть мою: **да не будетъ опричины!** Да будетъ единая только Россія! Ибо всякое раздѣленное въ самомъ себѣ царство, по глаголу Христову, запустѣетъ. Не могу благословлять тебя, Царь, искренно, когда вижу всеобщую скорбь отечества ¹⁾!“! Это говорилъ монахъ еще прежде постановленія въ митрополита ²⁾“.

Иноки были учителями русскаго народа. Прежде всего они своимъ собственнымъ самотверженнымъ высоко нравственнымъ примѣромъ жизни по Христу дали понять русскимъ людямъ самое христіанство и убѣдился въ томъ, что Евангельское **иго благо и бремя его легко есть**. И дѣйствительно, благочестивые предки наши такъ уразумѣли благое иго Христово въ **благодатномъ аскетизмѣ** монашества, какъ не разумѣютъ ослѣпленные и омраченные крайнимъ нечестіемъ потомки ихъ, современные лжеименные христіане. То есть какъ же? А такъ, что иноки, эти высоко нравственные идеалы христіанской жизни, въ глазахъ благочестивыхъ предковъ являлись великими и первыми создателями русскаго народа для царствія небеснаго и царства земного; тогда какъ въ ослѣпленныхъ глазахъ многихъ современныхъ нечестивыхъ потомковъ иноки являются якобы разрушителями и тормазами царствія небеснаго, а главное—царства земного. По мудрому, убѣжденному разуму и мнѣнію предковъ иноки—горящіе свѣтильники истиннаго свѣта Христова, а по безумному современному стихійному и лжемысленному, легкомысленному сужденію они—якобы невѣжественные, отживающіе свое время обскуранты проповѣдники мракобсія, искажающіе самую природу человѣческую. „Монашество воплощаетъ идеаль Евангелія, почему же оно такъ ненавистно. Гдѣ вы найдете теперь въ современной свѣтской печати сочувствіе къ нему? Люди болѣе или менѣе передовые даже и

1) Ист. Госуд. Рос. IX, 55 стр. Изданіе 1843 г.

2) Іоаннъ, Епископъ Смоленскій. О монашествѣ епископовъ 113—4 стр. 1905 года.

слышать не могут о немъ. А почему? Потому что въ монашествѣ болѣе другихъ нравственныхъ сторонъ жизни православной Руси съ ея поклонами, молитвами, постами. Для нихъ неприятно одно даже напоминаніе о всемъ этомъ. А почему? Во всемъ этомъ проходитъ всецѣло аскетическая основа христіанства. Христіанство является подвигомъ, христіанство требуетъ отреченія, а имъ нужно другое христіанство, которое бы освобождало отъ всякихъ подвиговъ воздержанія; такое христіанство, которое не требовало бы ни молитвъ церковныхъ, ни хожденія въ церковь, ни пощенія. Пожалуй они еще примирятся съ нравственнымъ подвигомъ служенія ближнему. Но здѣсь только лицемерно говорятъ, не имѣя въ сердцѣ и частицы любви къ ближнему, потому что эта безкорыстная любовь, безкорыстное служеніе невозможно безъ молитвы, безъ смиренія. Вѣдь есть много несчастныхъ людей, которые вызываютъ въ вашей душѣ отвращеніе, а имъ мы должны служить всемъ, чѣмъ можемъ. Только молитва, только христіанское смиреніе побудятъ исполнить этотъ тяжелый подвигъ. Итакъ имъ нужно иное христіанство, которое позволяло бы имъ любить грѣхъ—безумно веселиться, услаждаться и наслаждаться... Но что дѣлать? Мы не имѣемъ такого Евангелія, которое позволяло бы намъ грѣшнить, которое обѣщало бы намъ Царствіе Божіе безъ подвиговъ, безъ смиренія... Христосъ требуетъ отъ насъ того или иного подвига, но такого, гдѣ выразилось бы наше смиреніе... Онъ призываетъ насъ къ свободѣ, онъ обѣщаетъ насъ сдѣлать свободными. Все это возможно только при подвигахъ. Только подвигомъ воздержанія всякаго рода человекъ постепенно вступаетъ въ область духовной свободы¹⁾.—Затѣмъ, одухотворяя народъ своею ангелоподобною жизнію по Христѣ, русскіе иноки, также были главными дѣятелями и распространителями вѣры Христовой не только дѣломъ, но и словомъ какъ евангельскаго спасенія, такъ и научнаго благовѣствованія. Они были первыми ревнителями истиннаго просвѣщенія; а св. обители—монастыри являлись воспитательными школами (институтами), разсадниками истиннаго образованія, такъ какъ въ нихъ преподавалась и хранилась вся книжная сладость мудрости небесной и мудрости земной. „Въ тишинѣ уединенной келліи смиренный инокъ, отрешившійся отъ всѣхъ постороннихъ цѣлей... предавался

1) Братскій листокъ. 1906 г. № 101.

исполнѣ изученію высокихъ духовныхъ истинъ, соединяя умозрѣніе съ молитвою, мысль съ вѣрою, дѣло самоусовершенствованія съ дѣломъ самопознанія, и стараясь такимъ образомъ не однимъ отвлеченнымъ понятіемъ, но всею полнотою своего бытія, утонуть въ постиженіи высшей премудрости, открывшейся ему въ Божественномъ Писаніи и въ богомудромъ помышленіи Святыхъ Отцевъ. Вокругъ смиреннаго инокъ собирались мало по малу слушатели—ученики; вокругъ нихъ народъ изъ всѣхъ классовъ общества. Умозрѣніе, которому предавались отшельники изъ міра, было вмѣстѣ и основаніемъ и вѣнцомъ всего мышленія въ мірѣ Высшія сословія, находясь въ живомъ и близкомъ соприкосновеніи съ монастырями и основывая убѣжденія свои на тѣхъ же началахъ, развивали въ дѣлѣ жизненныхъ отношеній тѣ же понятія, которыя въ дѣлѣ чистаго умозрѣнія развивались въ уединенной кельѣ. Простой народъ, не имѣя ни довольно времени, ни довольно средствъ, чтобы самому образовать свои понятія, принималъ ихъ по частямъ, отрывками, но всегда проникнутыми одинакимъ смысломъ, изъ монастырей и отъ высшаго класса¹⁾“. „Мы обязаны монахамъ нашей исторіей, слѣдовательно, и просвѣщеніемъ²⁾“. „Въ безмолвіи келлій иноки вели свои непрерывныя лѣтописи³⁾“. Вспомнимъ, хотя бы одного инокъ препод. Нестора Лѣтописца, оставившаго намъ драгоценную книжную мудрость, а также вспомнимъ руководителя духовной жизни дивнаго старца святыхъ подвиговъ Паисія Величковскаго, про котораго сказуется: „на одрѣ убо, идѣже почиваше, окрестъ облагаше себе книгами: ту положени бяху словари разноязычнии, Библія Греческая и Словенская, Грамматика Греческая и Словенская, книга изъ нея же преводъ творяще, посредѣ же свѣщи: самъ же аки малое отроча, сѣдя согнувшееся всю ночь писаше забывая и немощъ тѣла и тяжкія болѣзни и трудъ... Весь писовію прилѣпленъ бѣ къ Богу, весь и ко ближнему разливавшееся любовію⁴⁾“. „Исторія и ежедневный опытъ свидѣтельствуютъ“, говоритъ профессоръ протоіерей О. Буткевичъ,

1) Ив. В. Кирѣевскій II т., 220 стр. Москва. 1861 г.

2) А. С. Пушкинъ. Полное собраніе сочин... въ одномъ томѣ. 1196 стр. Изданіе А. Ф. Павленкова.

3) Тамъ же, 1452 стр.

4) Житіе и писаніе Паисія Величковскаго. 69 стр. Изданіе 3-е 1892 г.

„что двери въ келлію истиннаго монаха, запертыя крѣпкимъ замкомъ для міра, всегда широко растворяются для истинной науки. И трудно указать какую либо науку, которая бы въ числѣ своихъ представителей не называла и имени монаха. А что касается наукъ богословскихъ, то своимъ развитіемъ онѣ много обязаны именно монашеству. Почти всѣ классическія капитальныя сочиненія по христіанскому богословію принадлежатъ тѣмъ монахамъ, которые отреклись отъ міра и умерли для него¹⁾“. Сами же монастыри, будучи просвѣтительными центрами, воспитывали въ своихъ уединенныхъ стѣнахъ великихъ ратоборцевъ благовѣтствованія Христова, которые своею самоотверженною миссіонерскою проповѣдью и безкорыстными трудами (колонизаціей) воздѣлывали и возводили Русь православную къ тому великому колоссу, каковымъ она является нынѣ, хотя и страждущая и многобуреваемая. „Обширная Русская земля, даже во времена раздѣленія своего на мелкія княжества, всегда сознавала себя какъ одно живое тѣло и не столько въ единствѣ языка находила свое притягательное средоточіе, сколько въ единствѣ убѣжденій, происходящихъ изъ единства вѣрованія въ церковныя постановленія. Ибо ея необозримое пространство было все покрыто, какъ бы одною непрерывною сѣтью, неисчислимымъ множествомъ уединенныхъ монастырей, связанныхъ между собою сочувственными нитями духовнаго общенія. Изъ нихъ единообразно и единомысленно разливался свѣтъ сознанія и науки во всѣ отдѣльныя племена и княжества. Ибо не только духовныя понятія народа изъ нихъ исходили, но и всѣ его понятія нравственныя, общежительныя и юридическія, переходя черезъ ихъ образовательное вліяніе, опять отъ нихъ возвращались въ Общественное сознаніе, принявъ одно общее направленіе. Безразлично составляясь изъ всѣхъ классовъ народа, изъ высшихъ и низшихъ ступеней общества, духовенство, въ свою очередь, во всѣ классы и ступени распространяло свою высшую образованность, почерпая ее изъ самаго центра современнаго просвѣщенія, который тогда находился въ Царьградѣ, Сири и на Святой Горѣ. И образованность эта такъ скоро возросла въ Россіи, и до такой степени, что и теперь даже она кажется намъ изумительною, когда мы вспомнимъ, что нѣкоторые изъ удѣльныхъ князей XII и XIII вѣка уже имѣли такія бібліотеки, съ ко-

1) Вѣра и Разумъ. 1895 г. № 3. Февраль. 125—6 стр.

торыми многочисленностію томовъ едва могла равняться, первая тогда на Западѣ, бібліотека Парижская¹⁾; что многіе изъ нихъ говорили на Греческомъ и Латинскомъ языкѣ также свободно, какъ на Русскомъ, и нѣкоторые знали притомъ и другіе языки Европейскіе²⁾; что въ нѣкоторыхъ, уцѣлѣвшихъ до насъ, писаніяхъ XV вѣка³⁾ мы находимъ выписки изъ Русскихъ переводовъ такихъ твореній Греческихъ, которыя не только не были извѣстны Европѣ, но даже въ амой Греціи утратились послѣ ея упадка и, только въ недавнее время и уже съ великимъ трудомъ, могли быть открыты въ неразобранныхъ сокровищницахъ Аѳона; что въ уединенной тишинѣ монашескихъ келлій, часто въ глуши лѣсовъ, изучались и переписывались, и до сихъ поръ еще уцѣлѣли въ старинныхъ рукописяхъ, Словенскіе переводы тѣхъ Отцевъ Церкви, которыхъ глубокомысленныя писанія, исполненныя высшихъ богословскихъ и философскихъ умозрѣній, даже въ настоящее время едва ли каждому Нѣмецкому профессору любомудрія придутся по силамъ мудрости (хотя, можетъ быть, ни одинъ не сознается въ этомъ)⁴⁾“. Въ періоды русскаго самосознанія всегда начинались „живыя историческія розысканія, сличенія, изданія. Особенно, благодѣтельны были въ этомъ случаѣ дѣйствія нашего правительства, открывшаго въ глуши монастырей, въ пыли забытыхъ архивовъ и издавашаго въ свѣтъ столько драгоценныхъ памятниковъ старины. Тогда русскіе ученые, обратили безпристрастный, испытующій взоръ внутрь себя и своего отечества, и, изучая въ немъ новые для нихъ элементы умственной жизни, поражены были страннымъ явленіемъ: они съ изумленіемъ увидѣли, что почти во всемъ, что касается до Россіи, ея исторіи, ея народа, ея вѣры, ея коренныхъ основъ просвѣщенія на прежней Русской жизни, на характерѣ и умѣ народа,—почти во всемъ,—они были до сихъ поръ обмануты; не потому, чтобы кто нибудь съ намѣреніемъ хотѣлъ обмануть ихъ, но потому, что безусловное пристрастіе къ Западной образованности и безотчетное предубѣжденіе противъ Русскаго варварства, заслоняли отъ нихъ разумѣніе Россіи⁵⁾“. Наконецъ, когда мы вспомнимъ, что духовная куль-

1) См. Шлепера примѣч. на Нестора, томъ 1.

2) См. Истор. Русск. Словесности Проф. Шевырева.

3) См. Писанія Вила Сорскаго.

4) Ив. В. Кирѣвскій. II т., 250—60 стр. Москва. 1861 г.

5) Онъ же. Тамъ же. 235—6 стр.

тура (образованность) нашихъ предковъ „была такъ распространена, такъ крѣпка, такъ развита, и поэтому пустила такіе глубокіе корни въ жизнь Русскую, что, несмотря на то, что... вся мыслящая часть народа своимъ воспитаніемъ и своими понятіями, значительно уклонилась, а въ нѣкоторыхъ и совсѣмъ отдѣлилась отъ прежняго Русскаго быта, изгладивъ даже и память объ немъ изъ сердца своего:—этотъ Русскій бытъ, созданный по понятіямъ прежней образованности и проникнутой ими, еще уцѣлѣлъ почти неизмѣнно, въ низшихъ классахъ народа: онъ уцѣлѣлъ,—хотя живетъ въ нихъ уже почти безсознательно, уже въ одномъ обычномъ преданіи, уже не связанный господствомъ образующей мысли¹⁾“.

„Корень образованности Россіи живетъ еще въ ея народѣ и что, всего важнѣе, онъ живетъ въ его Святой Православной Церкви. Потому на этомъ только основаніи, и ни на какомъ другомъ, должно быть воздвигнуто прочное зданіе просвѣщенія Россіи... Построеніе же этого зданія можетъ совершиться тогда, когда тотъ классъ народа нашего, который не исключительно занятъ добываніемъ матеріальныхъ средствъ жизни, и которому, слѣдовательно, въ общественномъ составѣ преимущественно предоставлено значеніе: выработать мысленно общественное самознаніе, — когда этотъ классъ... до сихъ поръ проникнутой Западными понятіями, наконецъ полнѣе убѣдиться въ односторонности Европейскаго просвѣщенія;... когда съ разумною жаждою полной правды, онъ обратится къ чистымъ источникамъ древней Православной вѣры своего народа, и чуткимъ сердцемъ будетъ прислушиваться къ яснымъ еще отголоскамъ этой святой вѣры отечества въ прежней, родимой жизни Россіи. Тогда, вырвавшись изъ подъ гнета разсудочныхъ системъ Европейскаго любу мудрія, Русскій образованный человѣкъ, въ глубинѣ особеннаго, ... живого, цѣльнаго умозрѣнія Святыхъ Отцевъ Церкви, найдетъ самые полные отвѣты именно на тѣ вопросы ума и сердца, которые всего болѣе тревожатъ душу, обманутую послѣдними результатами Западнаго самосознанія. А въ прежней жизни отечества своего онъ найдетъ возможность понять развитіе другой образованности²⁾“.

Эта истинная образованность заключается въ христіанскомъ **благодатномъ аскетизмѣ или подвижничествѣ** о Христѣ, облагоражи-

1) Ив. В. Кирѣевскій. II т. Онъ же. Тамъ же. 250—1 стр.

2) Онъ же. Тамъ же 279 с.

вающимъ, обновляющимъ, возрождающимъ грѣшное человечество съ Правосуднымъ Богомъ. Хранителями такой истинной духовной культуры (образованности) у насъ всегда были монастыри. „Монастыри наши раскинутые частою сѣткою по всей землѣ Русской, наполненные выходцами изъ всѣхъ классовъ народа находились въ такомъ отношеніи къ умственному посвѣщенію всей земли, въ какомъ находятся университеты Европейскіе къ народамъ Западнымъ: они составляли центръ и опредѣляли характеръ народнаго мышленія¹⁾“.

А монахи аскеты, какъ истинные и искренніе боголюбцы,—это интеллигенты²⁾ христіанства, интеллигенты Церкви, отличающіе безъ словъ—самою ангелоподобною и богоугодною жизнію людей безбожныхъ, интеллигентовъ миролюбцевъ служителей мамоны. Монахи-аскеты воплотили въ себѣ и осуществляли христіанскую аскетику, научающую самопознанію и Богопознанію.

Иноки были **руководителями, вождями** русскаго народа. Въ трудныя и скорбныя времена отечества они являлись воодушевленными патриотами и незамѣнимыми мудрыми совѣтниками. „Архіереи въ посланіяхъ своихъ бесѣдовали съ князьями и боярами въ тяжкія времена искушеній и безнадѣжности³⁾“.

Епископы Церкви съ митрополитомъ во главѣ, а потомъ и Патріархомъ, были главными любимыми совѣтниками и пособниками, думными людьми князей и Царей русскихъ. Они пользовались глубокимъ священнымъ уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ. Князь и Царь почиталъ и считалъ своего мѣстнаго епископа своимъ отцомъ и богомольцемъ, совѣщаясь, рѣшая и утверждая все съ его святительскаго благословенія. „**Мы, Великій Государь совѣтовавъ съ отцомъ своимъ богомольцемъ** (такимъ-то) **и со всеѣмъ священнымъ соборомъ и со всеѣми бояры и думными людьми, приговорили⁴⁾**“.

такъ гласятъ грамоты и правительственные указы благословеннаго Царя. „Изначала“, говорили послы, „у насъ въ русскомъ государствѣ, такъ велось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то государи наши призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, митрополитовъ, архи-

1) Ив. В. Кирѣевскій. II т., 220 с.

2) Т. е. лучшіе люди.

3) А. С. Пушкинъ. Полное собр. сочиненій... 1452 с. Изд. V-ое.

4) Боярская Дума Древней Руса. 501 с. 1883 г. Профес. В. О. Ключевскій.

епископовъ, и съ ними совѣтовались, безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали, и почитаютъ наши государи патріарховъ великою честію, встрѣчаютъ ихъ и провожаютъ, и мѣсто имъ съ государями сдѣлано рядомъ, такъ у насъ честны патріархы, а до нихъ были митрополиты¹⁾“. Особенная любовь къ отечеству и твердая вѣрность монархическимъ началамъ государственнаго правленія неизмѣнно проявлены, именно, епископами, и вообще иноками Церкви Христовой. Это обнаружилось какъ въ самыя тяжкія времена монгольскаго ига, такъ и въ смутныя, и даже въ царствованіе благодушныхъ Царей. Вспомнимъ непоколебимаго и рѣшительнаго Патріарха Іоакима, устранившаго великую опасность для цѣлости самодержавной и единодержавной теократической Россіи: онъ какъ членъ Думы боярской отказался подписать ея рѣшеніе о раздѣленіи государства на областныя намѣстничества, которыя въ корень разстроили бы русскую монархію. Вспомнимъ незабвеннаго стоятеля и оберегателя дорогой нашей родины мученика святой жизни Патріарха Гермогена, изъ заключенія воздвигшаго народное ополченіе „на вся враги и супостаты“ Православной вѣры и Православнаго Самодержавнаго Царства. Вспомнимъ также препод. Авраамія Палицына, Діонисія и подобныхъ симъ самоотверженныхъ и сильныхъ духомъ иноковъ руководящихъ всѣми классами народа. „И слышашея Іосифъ (препод.) во градѣ и окрестъ жителствомъ чернечскимъ изряденъ и словомъ удобренъ, извѣствованнымъ пребываніемъ оправданъ. Елико бояръ, иже отъ палаты князя, и елико отъ воеводъ его и отъ воинъ честныхъ, вси желаніемъ влекомы къ нему, взыскаваху лица его, и къ нему приходяще пользовались отъ него священными словесы и покаянію жала въ сердца свои пріемлюще бесѣдою его²⁾“. Вся жизнь монаховъ, состоящая изъ самопожертвованій, молитвъ и неуспынныхъ трудовъ свидѣтельствовала, что они передовые люди, заслуживающіе глубочайшаго уваженія въ отечествѣ. Вслѣдствіе сего великіе русскіе князья и Цари всегда имѣли ихъ у себя и почитали первыми совѣтниками даже въ дѣлахъ государственныхъ, довѣряли и открывали имъ всѣ свои тайны, призывали для разрѣшенія всѣхъ недоумѣнныхъ вопросовъ

1) Гермогенъ, Патріархъ Всероссійскій. Историческій очеркъ священника А. М. Кремлевскаго 51—2 с. 1903 г.

2) Житіе препод. Іосифа Волоцкаго, написан. неизвѣстнымъ М. 1865 г. 20—1 стр.

Церкви и Отечества, и голось инока-архипастыря по большей части былъ признаваемъ первенствующимъ и рѣшающимъ. „И мірская государственная власть“, говоритъ Владиміръ Соловьевъ, „добровольно признавая высшій, чисто нравственный авторитетъ власти духовной и опираясь на него сама получала нравственное значеніе и внутреннюю силу¹⁾“.

Глубокое уваженіе и довѣріе великихъ князей и Царей къ инокамъ исходило изъ высокаго взгляда самихъ же иноковъ на власть, отъ Самого Господа Бога поставленную. Смирные иноки были самыми вѣрноподанными слугами и ревностно преданными великимъ князьямъ и царямъ, что и вкоренили въ плоть и кровь русскаго народа. По ихъ убѣжденному христіанскому взгляду русскій великій князь и царь—это живые видимые образы Божественнаго величія и Божественной власти; въ ихъ нелицемѣрныхъ устахъ эпитеты: благовѣрный, благочестивый самодержавный, прилагаемые къ особѣ и дѣйствіямъ князя и царя, принимали и имѣли трогательное выраженіе чистосердечной искренности и христіанскаго убѣжденія въ томъ, что князья и цари поставлены управлять народомъ по особому Промыслу Божію. Будучи ревностными почитателями Царя земнаго, иноки тѣмъ болѣе были чтителями и хранителями славы Царя Небеснаго. Они были самые пламенные ревнители Православной Церкви, зездѣ и всюду, гдѣ нужно было, являясь самоотверженными горячими защитниками истины Христовой, и даже исповѣдниками за непреложную правду Божію. „Въ смыслѣ же служенія Церкви, воинствующей въ мірѣ“, говоритъ Л. Тихомировъ, „именно монахи и пустынники дѣлали очень много, являя въ себѣ образчики высокой духовной жизни, и давая находящимся „въ міру“ помощь духовныхъ даровъ, которые подчасъ такъ трудно находить въ мірскомъ полѣ, заросшемъ плевелами²⁾“. Посему для Православной русской Церкви они были нерушимымъ оплотомъ, который, по временамъ, то обуреваемый, то потопляемый, оживотворялся и укрѣплялся мощью духовныхъ подвиговъ богатырей духа Христова. Во время народныхъ бѣдствій и несчастій, мужественные иноки выходили изъ своего строгаго монастырскаго уединенія для ободренія и утѣшенія, назиданія и успокоенія. Въ своихъ

1) Собраніе сочиненій. III. т., 209 с.

2) Личность, общество и Церковь 67 с. Москва 1904 г.

черныхъ длинныхъ одеждахъ¹⁾, съ строгой походкой и изможденными чертами лица, при высоко нравственной аскетической жизни, они обязательно дѣйствовали на горе народное и вливали цѣлительный бальзамъ душевнаго мира страждущимъ людямъ. И дѣйствительно, „монахъ“..., говоритъ Вселенскій учитель св. Іоаннъ Златоустъ, „какъ только покажется, онъ является приносящимъ нѣкоторую благодать богатымъ и бѣднымъ, одинаково тѣмъ и другимъ, облакаясь въ одну одежду цѣлый годъ и для питья употребляя воду охотнѣе, чѣмъ друге—чуждое вино, для себя не спрашивая у богатыхъ никакой—ни малой, ни большей милости, а для бѣдныхъ (испрашивая) многихъ у постоянныхъ (милостей), съ пользою для тѣхъ и другихъ, и для дающихъ и имѣющихъ получить. Такимъ образомъ онъ есть **общій врачъ**, одинаково и богатыхъ и бѣдныхъ, первыхъ освобождая отъ грѣховъ добрымъ увѣщаніемъ, а послѣднихъ избавляя отъ бѣдности²⁾“. И не безъ основанія народъ нашъ смотрѣлъ на иноковъ какъ на особыхъ, избранныхъ посланниковъ неба. И въ тяжкія годы испытанія и наказанія Божія русскій народъ, этотъ истинный Богоносецъ и крестносецъ (по глубочайшему убѣжденію Ф. М. Достоевскаго) всѣмъ существомъ своимъ стремился къ православнымъ монастырямъ. Обремененный грѣхами и пораженный горемъ, онъ направлялъ стопы свои туда,—на стези мирныя и святыя, дабы получить утѣшеніе, успокоеніе и одобреніе. Истовое и чинное богослуженіе, продолжительность церковныхъ и келейныхъ молитвъ, высота и трудность разнообразныхъ ино-

1) Именно таковая одежда усвоена, узаконена уставомъ, а главное—требуется духомъ самого подвижничества о Христѣ Спасителѣ. Вышнимъ своимъ видомъ она внушаетъ печальное, внутреннимъ же смысломъ своего значенія—вѣщаетъ покаяніе и крестное скорбное житіе, каковымъ должны идти всѣ истинные послѣдователи Спасителя Христа Бога, а тѣмъ паче иноки если мірскіе люди въ знакъ сокрушенія о своихъ близкихъ умершихъ носятъ черный трауръ, то тѣмъ наиболѣе приближается инокамъ черное одѣяніе, какъ характерное выраженіе постоянной духовной скорби о содѣянныхъ грѣхахъ и о потерянномъ райскомъ блаженствѣ всего человѣчества. Посему всѣ недѣлныя возраженія противъ черной рясы изобличаются самымъ духомъ покаяннаго подвижничества. Нашъ народъ встарину ассимилировалъ черную одежду инока съ самымъ званіемъ его: чернецъ, вотъ какъ звали тогда монаха, переноса синонимически черное одѣяніе на самую покаянную, траурную жизнь инока.

2) I томъ, 127 с. Изданіе 2-е. 1898 г.

ческихъ подвиговъ и послушаній, постоянное трудничество, малояденіе, скромность и скудность монашеской братской трапезы, пламенное и любвеобильнѣйшее сердце, простое покаянное одѣяніе—все это заставляло преклоняться предъ ангелоподобными иноками. Но главное, конечно, заключалось не во внѣшности (которая сама по себѣ имѣетъ также большое значеніе), а въ силѣ и убѣдительности какъ самого ихъ безукоризненнаго житія, такъ равнымъ образомъ и въ глубокомъ воздѣйствіи ихъ душеспасительныхъ бесѣдъ и наставленій. „Для смиренной души русскаго простолюдина, измученной трудомъ и горемъ, а главное, всегдашнею несправедливостью и всегдашнимъ грѣхомъ, какъ своимъ, такъ и мировымъ, нѣтъ сильнѣе потребности и утѣшенія какъ **срѣсти святыню или святаго**, пасть передъ нимъ и поклониться ему: „если у насъ грѣхъ, неправда и искушеніе то все равно, есть на землѣ тамъ-то, гдѣ-то, святой и высшій; у того зато правда, тотъ зато знаетъ правду: значитъ не умираетъ она на землѣ, а стало быть, когда нибудь и къ намъ перейдетъ и воцарится по всей землѣ какъ обѣщано¹⁾“. Народъ со страхомъ и трепетомъ слушалъ иноковъ, этихъ умудренныхъ и избранныхъ Божіихъ людей, которымъ доступны были тайны изгибы души человѣческой. Онъ слушалъ истинныхъ философовъ и истинныхъ психологовъ, слушалъ такихъ проповѣдниковъ, которые безбоязненно вѣщали **глаголы живота вѣчнаго**,—которымъ не нужны были ни слава ни похвала, ни лесть человѣческая, ни богатство сего тлѣннаго, превратнаго и суетнаго міра, ни комфортныя удобства жизни, ни все то, что обычно заставляеть лицемѣрить, лицедейничать, лгать, льстить, пресмыкаться и искажать истину на лжу предъ сильными міра сего. Передъ народомъ стоялъ убѣдительнѣйшій учитель вѣры, который постомъ, бдѣніемъ, молитвеннымъ созерцаніемъ Господа и непрестанною борьбою съ своими безчинными грѣховными страстями и похотями уже настолько окрѣпъ и усовершенствовался, что безбоязненно въ глаза каждому могъ говорить и указывать неправду человѣческую, поставляя на мѣсто ея правду Божію. „Зачѣмъ—...здѣсь эти несмѣтныя толпы народа, которыхъ не могъ вмѣстить храмъ? Что ихъ привлекло сюда?—Но не дивитесь сему“. Такъ говорилъ очевидецъ погребенія дивнаго старца Оптинскаго инока Божія. „Въ этой

1) Ф. М. Достоевскій. XII т. 38—9 с. Изданіе 3-е. 1888 г.

б'дній обителі живеть чоловік, котораго знала вся свята Русь, къ которому издавна еще шли несметныя толпы народа со всѣхъ ея концовъ; въ его тѣсной монашеской келліи перебували и святители и князья, и вельможи, и мужички, и богачи, и б'дники; имя этого чоловіка было извѣстно и въ царскихъ палатахъ и въ деревенскихъ избахъ. Тутъ батюшка старецъ Амвросій, великій пастырь печальникъ Русской земли. Онъ то и привлекъ сюда нынѣ сей великій сонмъ его почитателей. Его ради и совершается сія торжественная Божія служба¹⁾. „Посмотрите, братіе, кого здѣсь больше: манаховъ или мірянъ? Зачѣмъ тутъ у гроба схимника, все время жившаго въ монастырѣ, зачѣмъ тутъ собрались эти несметныя толпы мірянъ? Зачѣмъ этотъ плачь міра о семъ инокѣ? Зачѣмъ, что усопшій, живя нѣ міра и б'гая его, умѣлъ жить для него... Повѣрьте, что этотъ весь возлѣ лежащій міръ (1 Іоан. V, 19) ни отъ кого не получилъ столько совѣтовъ и наставленій и письменныхъ и устныхъ, сколько далъ ихъ ему усопшій. Его имя столь же дорого инокамъ, какъ и мірянамъ. Отчего это? Оттого, что онъ умѣлъ силою своей вѣры и любви раздвигать тѣсныя стѣны своей келліи на необъятныя пространства. Оттого, что онъ, какъ пастырь, зналъ, что тамъ, въ грѣшномъ, но ищемъ Бога, мірѣ, алчущихъ и жаждущихъ Христова слова, любви и вѣры,... отдалъ ему всю свою жизнь. Онъ шель въ міръ весь, и проповѣдывалъ всей твари. Къ нему шли изъ міра всѣ труждающіеся и обремененные, и онъ успокаивалъ ихъ... Онъ былъ... Апостоломъ Христовымъ²⁾“.

Наконецъ уже иноки были **благодѣтелями** русскаго народа. Широкою благотворительностью, выразившеюся въ открытіи хлѣбныхъ монастырскихъ житницъ во время голода и другихъ неожиданныхъ б'дствій, они завоевываютъ себѣ необычную любовь народную. Посему въ скорбныя и трудныя обстоятельства жизни русскіе люди въ инокахъ всегда видѣли своихъ благодѣтелей, а въ монастыряхъ—прибѣжище и успокоеніе. Иноки даже щедро вспомоществовали и деньгами. Напримѣръ, Святитель Божій св. Митрофанъ, Епископъ Воронежскій, оказалъ большую помощь Петру I-му во время войны съ Турками. Этотъ благочестивый св. иннокъ—

1) Іромонахъ Григорій. Жизнеописаніе... Оптинскаго старца Іеромонаха Амвросія. Приложенія XII. Москва. 1900 г.

2) Іеромонахъ Григорій. Тамъ же, XVI.

архипастырь не жалѣлъ своей и архіерейской казны, отсылая тысячи на „ратниковъ“. Наша исторія показываетъ весьма много подобныхъ такихъ щедрыхъ вспомошествованій, жертвованныхъ государству монастырскими, а особенно лаврскими иноками. Но какъ бы ни было велико значеніе иночества въ качествѣ частныхъ **благодѣтелей-благотворителей** (ибо они даютъ достояніе своего же народа), все это прахъ и пепель въ сравненіи съ первѣйшимъ и главнѣйшимъ—**педагогическимъ** для царствія небеснаго, потому что **благотворителемъ** можетъ быть не только всякій христіанинъ, но и всякій чоловікъ—язычникъ безъ различія религиозныхъ убѣжденій и вѣрованій; тогда какъ **высоконравственнымъ воспитателемъ** по Христѣ цѣлого народа для царствія небеснаго можетъ быть **исключительно** только православный **созерцатель-аскетъ**. Приснопамятный и незабвенный, нелицемѣрный и мужественный ратоборець правды Христовой, Амвросій, Архіепископъ Харьковскій, вотъ такъ прекрасно и глубоко-мысленно характеризуетъ воспитательное значеніе русскаго иночества: „нигдѣ вліяніе иночества не обнаружилось съ такою силою и такъ благотворно, какъ въ народѣ русскомъ. Иноки просвѣтили нашъ народъ вѣрою Христовою; научили его соблюдать церковныя уставы; ввели въ трудъ терпѣнія и подвиговъ духовныхъ; помоги ему перенести тяжкое татарское иго; содѣйствовали прекращенію междоусобій и объединенію Руси; внѣдрили въ совѣсть народа повиновеніе властямъ, какъ отъ Бога поставленнымъ; сдѣлали его способнымъ пережить трудныя времена грозныхъ царей и сохранили намъ начало **самодержавія**, на которое нынѣ съ уваженіемъ смотрятъ лучшіе люди образованныхъ государствъ лишенныхъ этой крѣпкой и надежной силы въ управленіи народами. Смогла ли бы все это сдѣлать человѣческая наука и человѣческіе законы?¹⁾“. Конечно нѣтъ. Это могли совершить только закалившіе себя трудами, постомъ, бдѣніемъ и молитвою богатыри духа Христова—созерцатели аскеты монашества. Посему-то простой русскій народъ и доселѣ глубоко чтитъ и приклоняется предъ этими исполнителями духовной аскетической дѣвственной жизни. „Семейная жизнь для лица священнаго есть, по мнѣнію народа, уступка **человѣческой слабости**, къ которой можно относиться сни-

1) Полное собраніе сочиненій... IV т., 60—1 стр. Изданіе совѣта Харьковскаго Епарх. женскаго училища. 1902 г.

сходительно, но которая исключает религиозное благоговѣніе: **настоящій носитель высшего духовнаго начала для нашего народа есть только монахъ¹⁾**“, говоритъ философъ-аскетъ по Христу Вл. С. Соловьевъ. И дѣйствительно это такъ. „Свѣтъ инокамъ суть Ангелы, а свѣтъ всѣмъ мірскимъ людямъ суть иноки²⁾“. „Въ Апостольскія времена были аскеты,—они же въ послѣдующее время пустынники, монахи... Церковь дала имъ только внѣшнюю организацію, ибо въ Церкви все должно быть благообразно и по чину³⁾, а не учредила небылого. Ни политики, ни міровыя событія не имѣли въ семъ участія. Монашество не отнынѣ, .. оно исходить изъ духа христіанства и даже изъ природы духа **человѣческаго⁴⁾**“. „Дѣвственницы, какъ и дѣвственники, установились въ Церкви Христовой еще во время Апостоловъ и съ того времени постоянно въ ней пребываютъ, и **пребудутъ, пока стоитъ св. Церковь, т. е. до скончанія вѣка** Ибо сей родъ жизни—и естеству нашему не чуждъ, и благоприятствуется духомъ вѣры Христовой. Въ Коринѣѣ мѣстныя дѣвы не хотѣли выходить замужъ, всею любовію возлюбивъ Христа Господа,—всѣмъ душамъ единаго мужа. Они обратились къ св. Павлу съ вопросомъ: какъ имъ поступитъ Св. Павелъ посовѣтовалъ имъ,—дать дочерямъ свободу ратовать Господу,—не нудя ихъ выходить замужъ. Отцы и слушались сего совѣта и дѣвы остались дѣвами. Примѣръ Коринѣянь послѣдовали другія церкви, и дѣвство зацвѣтло **вовсюду**. Въ иныхъ мѣстахъ дѣвы собирались для житія въ одномъ домѣ—работали и Богу молились, не вхаживая въ общеніе съ прочими. Многія изъ таковыхъ увѣнчались вѣнцами мученическими, какъ свидѣлствуютъ подлинныя житія ихъ⁵⁾“.

Студентъ Киевской Академіи
Веніаминъ Іеродиаконъ

1) Собраніе сочиненій. VIII т., 95 стр.

2) Св. Іоаннъ Лѣстовичникъ. Степень. 26.. 116 стр.

3) Коринѣ. 14, 40.

4) Епископъ Теофанъ. Письма о христіанской жизни. 21 свиданіе 2-е. Москва. 1900 г.

5) Святит. Теофанъ. Что есть духовная жизнь и какъ на нее строиться? 259—60 стр. Изданіе 4-е. 1797 г.